

Кристина Устинова

**Хроники
Арбайтенграунда. Часть 1**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
У80

Устинова К.

Хроники Арбайтенграунда. Часть 1 / Устинова К. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 163 с.

ISBN 978-5-532-93720-8

Сложно представить, каково это — не по своей воле столкнуться с преступностью. К сожалению, такое случается часто, особенно в маленькой, но полной тёмных тайн стране. Криминальный мир подобен болоту — затонуть легко, а вот выбраться не всегда получается... Или же нет ничего невозможного? Семья и коррупция, ложь и убийства, деньги и закон — всё это представлено в первом романе цикла "Хроники Арбайтенграунда"!

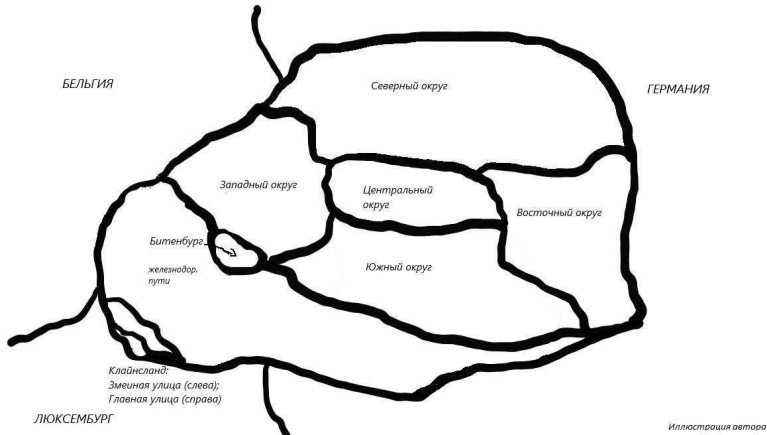
ISBN 978-5-532-93720-8

© Устинова К., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Сделка	4
Часть 1	5
Часть 2	57
Эпилог	93
В гостях у дяди	100
Часть 1. Большая проблема дяди	101
1	101
2	106
3	107
4	112
5	114
6	117
7	122
8	125
9	131
10	137
11	143
12	145
Часть 2. Как в кино	148
13	148
14	152
15	154
16	157
17	159
18	161

Сделка

Биттенбург, Арбайтенграунд (Западный округ), 1928 год.

Примечание: с 1905 года в стране образовалось *Окружное Детективное Бюро (ОДБ)*. ОДБ в городе всего пять – на каждый округ; есть также подразделения в Клайнсланде и в Нордеграунде. Основная задача этой организации – контроль над деятельностью частных детективов. Для этого им надо было поступить в Бюро, пройти специальные курсы, по окончании которых на выходе выдавались лицензии, наручники и оружие, а также право на его хранение; шло разделение на «клерков» и «частников». «Клерки» работали в самом здании ОДБ, на начальство и имели прямой контакт с полицией. «Частники» за свои деньги покупали помещение для конторы, нанимали секретаря и вели свой бизнес. Все детективы занесены в базу ОДБ и имеют специальный штамп в паспорте. Ведение детективного частного бизнеса без штампа является незаконным и грозит лицу от трёх до семи лет лишения свободы.

Всеобщий трудовой закон ввели в 1931 году.

Часть 1

Неожиданное исчезновение печально известных на всю деревню братьев Бёргер спровоцировало волнение и стало поводом для слухов. Самым распространённым считалось то, что они уехали в Арбайтенграунд. Их исчезновение знакомые семьи и некоторые соседи объясняют так: «Бездетная тётка в Битенбурге померла, завещав своим племянникам ветхий особняк почти на краю поселения». Они уехали, оставив маленькую квартиру, где всем четверым было тесно делить одну комнату. Из-за их нечистой истории исчезновение также насторожило местную полицию и ОДБ, ибо ходили слухи о том, что они могли вернуться.

Но вот прошло двенадцать месяцев, наступил март двадцать восьмого года, а от них ни ответа ни привета. Все расспрашивали их соседа, Матиаса Прейслера, бывшего члена ОДБ. На расспросы местной газете он пожимал плечами.

— Я их видел в последний раз пятого января двадцать седьмого года. Они загружали машину коробками и почти не разговаривали. Я подошёл к младшему, а тот сказал, что они уезжают. Потом замолчал и не стал вдаваться в подробности. Остальные же просто поздоровались со мной и предложили выпить. Я отказался. Тогда они мне подарили на память статуэтку китайской кошки. До сих пор у меня стоит, пылится!

Переезд скандально известных соседей застал его врасплох, но ни капельки не интересовал. «Да что же мне до этого? — размышлял он. — Своих дел мало?» Но слухи не утихали, что заставляло его каждый раз вспоминать о них. Он помнил их; помнил, как двое из четырёх сидели; помнил, как во всех делах проходил как свидетель. Он не был близким человеком для братьев, но те не питали к нему ни отвращения, ни ненависти. Когда же они виделись по праздникам, приглашали его к себе выпить и поесть индейки. Детектив часто захаживал к ним, чем и поплатился: его выгнали из ОДБ, а полиция в случае чего всегда обращала на него внимание.

Даже когда братья Бёргер уехали.

Может, это и стало причиной его переезда?

Нет. Главной же причиной стало то, что его пожилая мать, которая жила в Западном округе, заболела. А на днях случился пожар из-за замыкания: полдома погорело – кухня, гостиная и частично спальня. Он переехал к соседке, которая предложила ему снять комнату за гроши. Детектив прожил у неё два месяца, пока не пришло письмо от Джанет – сиделки матери, извещавшей, что врачи «ставят не очень хорошие прогнозы. Более того, она скучает».

В течение нескольких дней он собрал все свои уцелевшие вещи в два чемодана и на поезде добрался до города. Мать его жила на Майской улице, в просторной двухкомнатной квартире. Когда же он постучался в дверь по указанному адресу, ему открыла Джанет – женщина средних лет, которая безвкусно одевалась по моде, покупая платья втридорога на рынке; эти мешки как будто подчёркивали её округлённое тело, а жемчуг, подарок от покойного мужа, выглядел цветком на фоне пустыни. Зато смуглое лицо её при виде старого друга засияло, и она кинулась ему на шею. Матиас почувствовал горячие слёзы.

– Ох, Матиас, – говорила она ему в плечо. – Мы так скучали! Фрау Прейслер плачет, хочет тебя видеть... – Она оглядела его с ног до головы. – Боже правый, похудел! А это что? Плешь?

Матиас покраснел.

– Есть такое... Ну, где она?

– В спальне, голубчик, в спальне. Только она сейчас уснула, будить её не хочется. Чаю? С сахарком.

Он улыбнулся. Она, словно маленькая девочка, тихо и бесшумно проскочила на кухню и поставила чайник, достала из ящика несвежее печенье. Они уселись и заговорили полупшепотом о бытовых вещах. Джанет, которая также вела отдельную дружескую переписку с детективом, прекрасно знала про пожар и исчезновение братьев.

Они обходили эти темы стороной, пока складка на её лбу не стала глубже и она не сказала:

– Ты тут писал про последние события... Я не стала ей ничего говорить.

– Ну и правильно, не надо ей нервничать под старость лет.

– А что ты? У нас поживёшь?

– Куда же мне деваться? Да... Может, это и к лучшему. – Он посмотрел в окно, где открывался вид на дорогу и даже при закрытых окнах доносился шум. – Устроюсь в местное ОДБ и заживу нормальной жизнью.

– Может, тебе не стоит?

– Джанет, мне тридцать восемь, а за плечами семилетний опыт работы. Я привык к этому. Я не хочу это бросать. Тем более что мне ещё делать? Идти работать в магазин?

Она вздохнула. Матиас понял, что она недовольна этим ответом, и замолчал. Джанет съела печенье и сказала:

– У меня для тебя есть новость. Думаю, интересно будет.

– Какая?

– Я ездила в Битенбург к знакомой, за продуктами. Ну, ты знаешь, фрау Прейслер любит только натуральные продукты, а их там полным-полно.

– Ну?

– Я видела одного из братьев Бёргер.

Его чашка остановилась на полпути ко рту, и он отложил её в сторону. Джанет знала, как они выглядели по совместным фотографиям на Рождество, которые присылал Матиас, а также по газетам.

– Какого?

– Ой, длинный такой, с вытянутым лицом... Он же, по-моему, сидел за вымогательство...

– Рейнер.

– Ну, не суть. В общем, я его видела прямо по дороге к магазину. Там мы встретились со знакомой; я спросила её относительно Бёргеров, а она говорит: «Да, они живут в доме с краю, где покойная – Царство ей Небесное! – фройляйн Шмидт жила, тётка ихняя. Они и работают у нас вовсю, не шумят, носа не суют: старший на заводе, второй санитаром, третий в баре официантом, а четвёртый играет на рояле там же, иногда поёт. Вот только, по слухам, бедно живут». Так что такие дела, дорогой мой!

– Ясно...

– Навестишь?

Матиас поморщился и махнул рукой.

– Сдались они мне. – Он понял, что его тон прозвучал неубедительно, поэтому тут же перевёл тему: – Мама проснулась?

Проснулась старушка только через полчаса, но не смогла встать. Увидев сына, она расплакалась и обхватила его шею своими тонкими морщинистыми руками. Её обвисшие щёки дрожали. Матиас разговаривал с ней до вечера. Затем он переселился в комнату, которую уступила Джанет; она же поставила раскладушку в спальне фрау Прейслер. Матиас разложил вещи на полу, оглядел маленькую комнату с проеденным молью диваном и светлыми шторами, затем разделся и лёг, заложив руки за голову. Он смотрел на пожелтевший потолок и вспоминал братьев Бёргер. «Они здесь... Навестить? Но зачем? Пообщаться? Господи, да они уже про меня и забыли!» Однако эта мысль всё чаще и чаще кралась ему в голову, словно паразит. Он вспоминал братьев Бёргер – «семью уголовников», как говорила мать, когда их дела гремели в деревенских и городских газетах.

Впервые о них узнали в двадцать втором году, когда самый старший, Рейнер Бёргер, сел за вымогательство почти семи тысяч марок, которые отдала старушка. Он пришёл к ней и представился доктором, поставил ей диагноз «испанка» (якобы самая ранняя стадия), прописал лекарства и предложил оплатить их втридорога. Наивная бабушка, испугавшись за своё здоровье, отдала ему все сбережения на «чёрный день» и получила взамен целый мешок флаконов капель от кашля и гриппа. На следующий день приехал внук из Нордеграунда, узнал про исчезновение денег и обратился сам в полицию. Рейнер не прятался и не убегал; да и вообще он в этот день для собственной безопасности не выходил из дома. К братьям постучали полицейские и выволокли его прямо в пижаме (на дворе стояла ночь). Деньги вернули практически целыми: братья уже расплатились за дорожную, по тем временам, когда Арбайтенграунд отходил от революции двадцать первого года, свинину. Так его и посадили на два года, а вернулся он домой ровно на своё тридцатидвухлетие. После его ловили на росписях на стенах в нетрезвом виде, а когда его арестовывали и сажали на ночь в камеру или же назначали сверх

этого работы на две недели, он срывал с себя одежду и орал до посинения: «Я художник, я так вижу!».

За Рейнером шли два брата, двойняшки, которые младше его на пять лет. Второй скандал в семье произошёл в двадцать третьем. Они одновременно попали на скамью подсудимых, под разные статьи. Первого, Артура, местного санитара, едва не посадили за интимные связи с мужчинами, а второго, бездельника Георга, который иногда подрабатывал водителем такси и отличался от брата высоким ростом, могучим телосложением и многословностью, – за неудачное ограбление банка. Интересный факт: когда его спросили про мотив ограбления, он ответил, что хотел купить на них дорогой сервис для мамы и отправить в город. Это правда, но его за такой подарок отпустили только через два года. К тому же Георга неоднократно подозревали в поджоге домов, так как его всегда находили на месте пожаров, в основном в нетрезвом состоянии. Один раз его всё-таки обвинили в поджоге сарая, и суд заставлял его уплатить штраф, возмещение ущерба. Расплатился он окончательно за день до переезда.

А вот четвёртый, Лабберт, который младше Рейнера на двенадцать лет, не был похож на братьев. Остальные братья были темноволосыми и худыми (в отличие от Георга, поддерживающего физическую форму), а он походил на мать: светловолосый и с круглым лицом; но самое главное – он не утратил того оптимизма и таланта радоваться мелочам, который у очень многих людей с возрастом пропадает. Матиас всегда слышал его звонкий смех и пение. Лабберт не просто любил петь – это была жизненная профессия, так как он окончил музыкальную школу и работал в театре. Гордость семьи, признавались остальные братья. Однако его мало кто жаловал из-за репутации его семьи, и на него смотрели либо с отвращением, либо с жалостью, словно это была бомба замедленного действия.

С детективом их сблизили не только постоянные допросы и разделение их домов одним забором. Как бы это странно ни прозвучало, Матиасу они нравились: своеобразные, но умные и добродушные. Правда, относительно двойняшек он бы поспорил, но вот Лабберт – просто душа.

Матиас невольно улыбнулся, вскочил и потянулся. Тени удлинились, солнце склонялось к закату. «Нет, я завтра поеду. Почему бы и нет?.. Ну да, навестить надо; тем более у их матери на днях день рождения, если мне не изменяет память. Большой праздник будет».

Он снова лёг и прикрыл глаза. Да, будет большой праздник; может, и его пригласят?..

Всё началось с двух событий, не считая приезда детектива: с девушки и крыс.

Битенбург – удивительное место: это сборище маленьких прогнивших домиков граничило с высотками и шумными улицами столицы маленького государства. Если некто, выросший в Битенбурге и никогда не бывавший в самом городе, приедет туда, то он скажет одно: «Честное слово, небо да земля!». И действительно, маленькое поселение напоминало Клайсланд, только меньше, к тому же примыкал к городу. Тем не менее там царила своя, деревенская атмосфера. Те же домики, животные, те же домашние проблемы: тараканы, жучки и крысы.

Братья Бёргер поселились в доме покойной тётки – в деревянное двухэтажное здание с пятью комнатами, беседкой, а также совместным туалетом и ванной; спальни и ванная располагались на втором этаже, снизу – гостиная, кухня, вход в подвал и прихожая. Только вот сам дом старушка оставила не в наилучшем виде, пришлось наводить уборку. Обнаружились тараканы. Мужчины попытались вытравить их, но не помогло: хотя паразиты меньше стали приходить, полностью так и не исчезли.

А вот крыс никогда не было. Они нахлынули неожиданно, словно гром посреди ясного неба. Первым делом они появились в подвале и ванной.

Впервые их заметили в день приезда Матиаса к матери. Одну в ванной комнате обнаружил Рейнер, когда никого, кроме него, не было дома. Ванна с туалетом сохранились в плачевном состоянии: потрескавшиеся, пожелтевшие – ни одним средством или мылом не вымоешь. Под ванной и на потолке красовалась причудливыми фигурами плесень, а с пола несло сыростью, особенно с порога. Рей-